

Конспирология о пандемии COVID-19 как мифотворческий феномен

И. А. Коркишко

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Глобальная пандемия, карантины, коронавирусные ограничения, высокая смертность и экономический кризис повлияли на настроения в обществе. В данной статье производится попытка проанализировать конспирологические теории о пандемии COVID-19 на предмет их мифотворческой природы.

Содержание. Обстановка нестабильности, неуверенности и страх перед будущим неизбежно привели к поиску доступных форм объяснения происходящего, среди которых одним из самых заметных явлений стал резкий всплеск мифотворчества и конспирологических теорий. В исследовании предпринята попытка определить специфику конспирологических теорий о COVID-19 как мифотворческого явления. Рассматривается история возникновения популярных теорий заговора о вреде 5G вышек и «чипировании».

Выводы. Делается вывод, что конспирологические теории о COVID-19 имеют множество мифотворческих черт. Было выявлено, что конспирологам свойственно особое осмысление реальности, образно-эмоциональная мифологизация действительности, бриколаж, представление мира как поля сакральной войны добра и зла.

Ключевые слова: конспирология, теория заговора, пандемия COVID-19, мифотворчество, вакцинация, чипирование.

Для цитирования: Коркишко И. А. Конспирология о пандемии COVID-19 как мифотворческий феномен / И. А. Коркишко // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 114–125. DOI 10.35231/18186653_2022_3_114

Conspiracy theories about the COVID-19 pandemic as a myth-making phenomenon

Il'ya A. Korkishko

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The global pandemic, quarantines, coronavirus restrictions, high mortality and the economic crisis have affected the mood in society. This article attempts to analyze conspiracy theories about the COVID-19 pandemic for their myth-making nature.

Content. The situation of instability, uncertainty and fear of the future inevitably led to the search for accessible forms of explanation of what is happening, among which one of the most noticeable phenomena was a sharp surge in myth-making and conspiracy theories. The study attempts to determine the specifics of conspiracy theories about COVID-19 as a myth-making phenomenon. The history of the emergence of popular conspiracy theories about the dangers of 5G towers and “chipping” is considered.

Conclusions. The author concludes that conspiracy theories about COVID-19 have many myth-making features. It was revealed that conspiracy theorists are characterized by a special understanding of reality, figurative emotionality, and mythologization of reality, bricolage, and representation of the world as a field of the sacred war of good and evil.

Key words: conspirology, conspiracy theory, COVID-19 pandemic, myth-making, vaccination, chipping.

For citation: Korkishko, I. A. (2022). Konspirologiya o pandemii COVID-19 kak mifotvorcheskij fenomen [Conspiracy theories about the COVID-19 pandemic as a myth-making phenomenon]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 114–125. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_3_114

Введение

Современное общество за последние годы столкнулось со множеством потрясений, которые за короткое время кардинально меняли привычный уклад жизни. Глобальная пандемия, карантины, коронавирусные ограничения, высокая смертность и экономический кризис, помимо непосредственного влияния на жизнь, также повлияли и на настроения в обществе, на массовое сознание. Прежние социальные связи оказались разрушены, либо ограничены вследствие изоляции. Обстановка неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне и страха перед будущим, неизбежно привела к поиску доступных форм объяснения происходящего, среди которых одним из самых заметных явлений стал резкий всплеск мифотворчества и конспирологических теорий.

По состоянию на сегодняшний день можно наблюдать расширение и данного феномена в самых разнообразных сферах общественной жизни. По мнению А. Г. Дугина, конспирологические теории стали сверхпопулярны именно «в эпоху постмодерна, с его тягой к экстравагантным и диспропорциональным построениям, к абсурду, к наложению друг на друга различных контекстов, к ироничному осмеянию духа Просвещения, рационального и позитивистского отношения к истории, политике, культуре, искусству» [3, с. 3–4]. Укоренение конспирологического сознания в обществе нуждается в комплексном изучении, а также в установлении сущностных особенностей конспирологии как явления.

Конспирология как предмет для анализа в российской науке пока представлена слабо. В силу новизны изучаемого объекта (касательно пандемии COVID-19) исследования по данной теме немногочисленны и носят фрагментарный характер. Так, С. П. Артеев исследовал предпосылки и этапы развития ковидных теорий заговора [2]. Влияние коронавируса на религиозные дискурсы медицинской конспирологии анализирует А. М. Прилуцкий [6]. М. Г. Мягков, Т. А. Кубрак, В. В. Латынов, Ю. О. Мундриевская рассмотрели психологические предпосылки конспирологических убеждений о COVID-19 [4].

В данной статье предпринята попытка проанализировать конспирологические теории о пандемии COVID-19 в ракурсе их мифотворческой природы.

Содержание исследования

Понятие «конспирология» подразумевает под собой теорию заговора или совокупность таких теорий в целом. Это существу-

ющая концепция о том, что все значимые события в ходе истории являются следствием деятельности тайной влиятельной группы лиц (спецслужбы, секретные международные организации, например, масонская ложа и др.).

Конспирология (теория заговора) присваивает данной группе сверхобычные возможности в управлении политикой и сознанием масс. Все действия заговорщиков предпринимаются с целью получения выгоды, удовлетворения амбиций или других интересов данной организации. Чаще всего это приобретение экономической или политической власти.

Для понимания конспирологической теории необходимо понять, каким образом определить, что перед нами теория заговора. Конспирологи утверждают, что зловещие тайные умыслы различных элит реальны, аргументируя это заговорами, существовавшими в истории. И. Яблоков приводит четыре критерия, которые показывают, что перед нами особая интерпретация событий [10, с. 14]:

1. Существование тайного плана, который преследует своей целью уничтожение мира или государства, или мировой финансовый кризис. Никто в мире не подозревает о существовании этого плана, но адресат узнает о нем из конспирологического текста.

2. Тайная организация, которая реализует тайный план. В такой организации могут состоять как люди, так и иные существа. Соккрытие этой организации включает в себя фабрикацию или удаление доказательств или влияние на тех, кто контролирует официальное повествование.

3. В результате реализации тайного плана, происходит ухудшение условий жизни сообщества, в котором существует теория заговора. Изредка встречаются тайные сообщества, которые пытаются защитить человечество от угрозы, но подобные примеры невероятно редки.

4. В конечном итоге тайная организация стремится к получению еще большей власти, чем та, что у нее имеется. Здесь можно отметить противоречивость конспирологии – влияние тайного сообщества настолько велико, что их власть представляется практически безграничной. Однако, по мнению конспирологов, если жизнь ухудшается, значит заговорщики продолжают свое дело по захвату власти.

Из-за этих особенностей теории заговора трудно опровергнуть. Все контрдоказательства или отсутствие доказательств рассматриваются как результат секретности и сокрытия. Данные из обычных источников отвергаются по той же причине. СМИ и научные круги часто считаются частью заговора. На практике это подразумевает мировоззрение, основанное на нетрадиционных источниках, а также скептицизм или презрение к тем, кто поддерживает официальную версию, что формирует особое конспирологическое сознание.

Пандемия COVID-19 спровоцировала множество различных теорий заговора о природе вируса и способах его распространения. Одними из самых заметных являются теории о вреде 5G вышек и вакцинации. Это далеко не все популярные теории о коронавирусе, но для нас они представляют особый интерес, поскольку мы можем отследить историю их появления.

Начало конспирологической теории о влиянии сотовых вышек 5G на распространение коронавируса можно проследить с января 2020 г., когда бельгийская газета «Het Laatste Nieuws» (22.01.2020) опубликовала интервью с терапевтом по имени Крис ван Керкховен, который заявил, что мобильная связь нового стандарта опасна для здоровья, и что эпидемия коронавируса, возможно, связана с новой технологией 5G. В том же интервью журналист отмечал, что вокруг китайского города Уханя, с которого и началась пандемия, с 2019 года развернута большая сеть новых вышек связи¹. Комментарии Керкховена были быстро подхвачены противниками технологии 5G на локальном уровне, ссылавшимися на данную статью. За несколько дней теория заговора распространилась на десятки страниц Facebook, обрастая новыми подробностями (к примеру что радиоизлучение от вышек 5G подавляет иммунную систему человека, создавая благоприятную почву для распространения вируса, или что вышки являются переносчиками вируса, либо его причиной).

Теории об опасности новых технологий не новы, развиваясь на протяжении десятилетий на фоне опасений по поводу высоковольтных линий электропередач или мобильных телефонов. В случае с коронавирусом они нашли свое новое выражение.

Впоследствии была разработана вакцина, как самый эффективный способ остановить пандемию. Данный факт стал мощным толчком для формирования новых конспирологических теорий,

---

¹ Temperton, James. How the 5G coronavirus conspiracy theory tore through the internet / Wired. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.co.uk/article/5g-coronavirus-conspiracy-theory> (дата обращения: 18.01.2022).

связанных с вакцинацией. Прививки обвиняли в угрозе здоровью, в провоцировании развития вируса или других болезней, негативном влиянии на фертильность, неэффективности, изменении ДНК человека, большом количестве побочных эффектов.

Недоверчивая среда стала благоприятным пространством для возникновения и развития самых разнообразных конспирологических теорий. Люди во многих странах стали отказываться от прививки, опасаясь чипирования, которое якобы организовал бизнесмен Билл Гейтс. Журнал «The Verge» выпустил исследование, в котором выделил несколько основных этапов появления новой конспирологической теории¹.

Отвечая на вопросы зрителей, в марте 2020 г. Билл Гейтс спрогнозировал, что однажды у всех людей будет карточка с записанными медицинскими данными, в том числе информацией о прививках. Бизнесмен утверждал, что такая карточка будет условием пропуски в любые заведения. Через день шведский веб-сайт о биохакинге написал о комментарии Гейтса. Администраторы сайта почувствовали необходимость в своих разработках вживляемых микрочипов и предложили им широкомасштабное массовое применение в целях медицинской потребности. На сайте был выложен материал с заголовком «Bill Gates will use microchip implants to fight coronavirus» (Билл Гейтс будет использовать имплантированные микрочипы для борьбы с коронавирусом).

Спустя несколько дней баптистский пастор Адам Фаннин наткнулся на данную запись в интернете. Он превратил фантазию биохакеров в библейское пророчество, ссылаясь на Священное Писание, выпустил об этом видео. В своей проповеди он затрагивал теорию заговора о том, что Гейтс с помощью своего бизнеса и благотворительности стремится сократить количество людей на планете. Пастор добавил к заголовку биохакеров слово «вакцина», после чего распространилась новая теория заговора, постоянно обрастая дополнительными подробностями.

Для появления конспирологической теории в группе всегда необходим определенный базис в виде страха или недоверия: «Вере в конспирологические теории способствовало и наличие у человека импульсивности и низкого уровня межличностного доверия» [4, с. 157]. В представленных теориях ясно прослеживается страх

¹ Where did the covid microchip vaccine conspiracy theory come from anyway? / The Verge. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/22516823/covid-vaccine-microchip-conspiracy-theory-explained-reddit> (дата обращения 20.01.2022)

[120] перед новой болезнью (что сформировало теорию, в которой она отрицается), страх новых технологий, недоверие к политическим конкурентам, к элитам и т. д. На основе этих эмоций формируется вещественный образ в виде заговорщиков, появление которых конспирологи находят в свершившихся событиях.

В представленных примерах конспирология формируется стихийно, являясь естественным результатом работы конспирологического сознания, без вмешательства чьих-либо интересов. На примере теорий о вреде вышек 5G и «чипировании», мы можем отследить появление идеи заговора у конкретных людей, пастора Адама Фаннина и терапевта Крис ван Керховена, однако в их нельзя назвать полноценными мифотворцами данных теорий. В каждом из представленных примеров причиной возникновения подозрений о заговоре является не столько творческий потенциал конкретно представленных людей, сколько способность массового конспирологического сознания осмыслить происходящее определенным образом.

Конспирологический нарратив формирует особую проекцию реальности, овеществляя тревоги внутри группы и создавая интерпретацию событий, подчиненную теории заговора. Теория заговора всегда является овеществлением какого-либо страха, который приобретает различные объективные или образные формы. По утверждению А. М. Прилуцкого:

«В архаическом семиозисе под влиянием страхов, продуцируемых вызовом новой рациональности, происходит семиотическая перверсия образа врача, который оказывается в итоге включенным в семантическое поле «смерть»» [6, с. 110].

Теория о вреде 5G вышек овеществляет страх прогресса и новых технологий. Обычный человек не понимает принципов работы такой вышки, не говоря уже про влияние на здоровье, и если он не доверяет людям, которые ее изобрели и построили, то закономерно появляется тревога о ее сущности, которая находит свою форму в теории заговора. В конспирологии сущность и влияние 5G вышки объясняется не столько механизмом ее работы, сколько целями, которые преследует ее создатель. Принципы устройства, по которым она якобы наносит вред, остаются вторичными, поэтому мы можем наблюдать множество различных версий ее работы. Научные характеристики работы вышки не замечаются, игнорируются, либо признаются поддельными. Согласно данной теории заговора, 5G вышки наносят вред людям, поскольку являются разработкой

тайной организации. Причинно-следственная связь заменяется генетической, происхождение предмета представляет его сущность.

Адам Фаннин уже верил в конспирологическую теорию о Билле Гейтсе. Он просто осмыслил новость с заголовком о том, Гейтс будет использовать имплантированные микрочипы для борьбы с коронавирусом, увидев в нем библейское пророчество. Теория заговора, в которой важную роль играет Билл Гейтс, относится к категории теорий, описывающих заговор современных элит. Такие теории являются овеществлением страха перед людьми, обладающими властью, поскольку власть в мифологическом сознании представлялась сакральной. Современные элиты полностью оторваны от обычных людей, в связи с чем они воспринимаются как неведомые, чужие и становятся элементами различных конспирологических мифов¹.

Случай с терапевтом Крисом ван Керховеном точно так же формируется на основе технофобного мифа, ядром которого являются мифологемы, интерпретирующие прогресс и современные технологии как негативные явления. Специфика современности заключается в тотальном непонимании работы новейших технологий большинством населения, что в конечном итоге приводит к отчужденности и страху перед ними. Теории заговора об опасности 5G вышек стихийно зародились начиная с момента их появления в окружении обычных людей, терапевт с журналистом лишь интерпретировали существующий факт пандемии в данном контексте².

Каждый из приведенных выше примеров иллюстрирует лишь начало формирования новой теории заговора. Полноценно данные теории формируются после попадания в информационное пространство, где происходит коллективное осмысление. В различных группах происходит формирование различных версий одной теории, отвечая запросам сообщества, в котором конспирология распространяется:

«Наиболее притягательны теории заговора, адаптированные к местным реалиям. Например, вирус призван сократить население старшего возраста, чтобы не платить им пенсию и освободив рабочие места для более молодых людей. Или же влияние вируса призвано опустошить территории отдельных стран от основного населения и их место займут мигранты (китайские, арабские и т. д.)» [1, с. 75].

¹ Marcel Bubert, Wolfram Drews, André Krischer. Conspiracy theories as criticism of elites: on the long history of a current phenomenon / University of Münster. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.uni-muenster.de/Religion-und-Politik/en/aktuelles/schwerpunkte/epidemien/06_thema_verschwoerung.html (дата обращения 18.01.2022)

² Alex Hern. How baseless fears over 5G rollout created a health scare / The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/jul/26/how-baseless-fears-over-5g-rollout-created-a-health-scare> (дата обращения: 19.01.2022).

[122]

Неизменной всегда остается только мифологема, в рамках которой происходит формирование различных версий происходящего. Таким образом, теория заговора мифологизирует действительность, наделяя предметы мифологической общностью. Обобщенные образы встраиваются в представления о мире, воспринимаясь как реальные, на основе чего происходит продолжение мифотворческого процесса:

«Мифологический комплекс “чипирование-вакцинирование” обладает значительным перлокутивным потенциалом, формируя и усиливая в эсхатологическом дискурсе модальность страха. Надо полагать, активная воспроизводимость данного мифотологического комплекса обусловлена его способностью формировать дискурс» [7, с. 115].

Одной из причин столь высокой популярности конспирологических теорий С. П. Артеев считает невозможность для многих людей ориентироваться в больших массивах информации:

«На фоне резко усилившихся по объемам и ускорившихся в единицу времени медиапотоков создается типичная ситуация невозможности для подавляющего большинства людей критически оценивать получаемые данные. Критическое мышление по-прежнему не стало ключевой компетенцией человека вне зависимости от его рода занятий» [2, с. 59].

Упрощенная образно-эмоциональная модель «злых заговорщиков» как причина вакцинации или установления 5G вышек является универсальным ответом на вопрос о принципах их работы, не требуя от конспиролога усилий в изучении предмета. Определенный субъект с ясными намерениями и планами как организатор пандемии намного понятнее и проще, чем череда различных событий, которые далеко не всегда еще могут быть связаны друг с другом.

Связи в конспирологическом мифе являются основополагающим элементом, где ничего не происходит случайным образом, поскольку всегда выявляются признаки воздействия тайной организации. Объяснение этих связей происходит посредством бриколажа, используя подручные средства, которые предоставляет массовая культура, в связи с чем вакцинация отождествляется с микрочипами и наделяется эсхатологическим смыслом.

Можно наблюдать особый принцип всеобщей связи явлений, которые осмысляются конспирологическим способом. Теориям заговора присущ символизм, конспиролог видит знаки и различные проявления заговорщиков. Считается, что заговорщики оставляют компрометирующие следы, которые доказывают существование заговора. Конспиролог видит структуру и взаимосвязь в случайных

либо бессвязных массивах информации, придавая этому исключительную важность, поскольку таким образом для человека раскрывается сущность предметов и явлений, указывающих на намерения заговорщиков: «Иллюзии, будучи триггером коллективных представлений, способствуют формированию особой логики отношения к фактам и событиям» [8, с. 101]. Если какой-то предмет признается связанным с тайной организацией, то он может приобрести сверхъестественные свойства или способности, поскольку влияние заговорщиков является неизмеримым или безграничным. Появляется глупина для интерпретаций, которая позволяет воспроизводить новые вариации теории.

Теория заговора призывает бороться с существующим миропорядком, в чем проявляется ее деятельностная сущность. Конспирология призывает своих последователей к определенным действиям, основным из которых является поиск все новых фактов наличия тайной организации с целью её разоблачения и последовательной борьбы. Помимо поиска тайных знаков и посланий, конспирологическая теория призывает отвергать общепринятые нормы как продукт заговорщиков. Это проявляется в отказе от классической вакцинации, избавления от 5G вышек и сопутствующие этому явления. Мир представляется полем сакральной войны между силами добра (конспирологами) и зла (заговором), которая требует от участников активности – как в информационном плане, так и в виде действий.

Отличительной чертой мифологического мышления является использование бинарных оппозиций, которые выступают определяющими структурными элементами мифологического дискурса. В соответствии с этим «мыслительный мир архаического общества организован по принципу дуализма: все принадлежит либо той, либо другой стороне. Отсюда – универсальное деление на “своих” и “чужих”, на “друзей” и “врагов”» [9, с. 1]. Подобный формат восприятия близок конспирологическому сознанию.

Теории заговора приобретают коллективный характер. Они формируются в определенных группах, расширяя сферы своего влияния по мере распространения конспирологического мифа. Участники образуют замкнутый информационный пузырь, поскольку теории заговора непроницаемы для критики:

«Мы все же зачастую вправе говорить и о сообществах, специально ориентированных на производство, потребление и распространение конспирологических нарративов, и о своеобразных семантических или тематических полях, к которым тяготеют последние» [5, с. 91].

[124]

Люди отдают предпочтение общению с похожими людьми, не позволяя несогласным вторгнуться в их информационное пространство. Это же является причиной воссоздания новых версий и теорий, поскольку такая группа также выступает коллективным мифотворцем, расследуя новые явления общественной жизни через призму конспирологического сознания.

Вывод

Теории заговора о пандемии Covid-19 содержат множество мифотворческих черт. На примере теорий заговора о 5G вышках и «чипировании» было выявлено, что конспирологическому сознанию свойственно особое осмысление реальности, благодаря чему происходит мифотворческий процесс. На основе эмоций страха и недоверия формируется вещественный образ в виде заговорщиков, действия которых обнаруживаются в свершившихся событиях. Теория заговора мифологизирует действительность, наделяя предметы мифологической общностью. Причинно-следственные связи заменяются генетическими, происхождение предмета представляет для конспиролога его сущность. Наблюдается особый принцип всеобщей взаимосвязи явлений, объяснение этих связей происходит посредством бриколажа. В конспирологии мир представляется полем сакральной войны между силами добра и зла, требуя от участников активности. Странники теории заговора формируют замкнутый информационный пузырь, выступая коллективным мифотворцем.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания // Социология. – 2021. – № 5. – С. 74–81.
2. Артеев С. П. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 58–63.
3. Дугин А. Г. Конспирология. – М.: Арктогея, 2005. – 624 с.
4. Мягков М. Г., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Мундриевская Ю. О. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 467. – С. 156–163.
5. Панченко А. А. Антропология и конспирология // Антропологический форум. – 2015. – № 27. – С. 89–94.
6. Прилуцкий А. М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – Т. 33. – С. 108–114.
7. Прилуцкий А. М. «Вакцинирование» vs «чипирование»: триггеры эсхатологической мифологии в условиях противоэпидемических мероприятий // Вестник Северного (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 108–118.
8. Хохлов А. А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2020. – № 2. – С. 94–102.

9. Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 5. – С. 127–139.

10. Яблоков И. Русская культура заговора: конспирологические теории на постсоветском пространстве / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 428 с.

References

1. Ardashev, R. G. (2021). Konspirologicheskie teorii v period pandemii: efekty soznaniya [Conspiracy theories during a pandemic: the effects of consciousness]. *Sociologiya* [Sociology]. No 5, pp. 74–81. (In Russian).

2. Arteev, S. P. (2022). Pandemiya COVID-19: konspirologiya i antikonspirologiya [Covid-19 pandemic: conspiracy and anti-conspiracy]. *Vlast'* [Power]. Vol. 30. No 1. pp. 58–63. (In Russian).

3. Dugin, A. G. (2005). *Konspirologiya* [Conspiracy]. Moskva: Arktogetya. 624 p. (In Russian).

4. Myagkov, M. G., Kubrak, T. A., Latynov, V. V., Mundrievskaya, Yu. O. (2021). Pandemiya COVID-19 i konspirologicheskie ubezhdeniya: psihologicheskie predposylki, posledstviya, vozmozhnosti korrektsii [COVID-19 Pandemic and conspiracy beliefs: psychological antecedents, consequences, possibilities for correction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No 467. pp. 156–163. (In Russian).

5. Panchenko, A. A. (2015). Antropologiya i konspirologiya [Anthropology and conspiracy theories]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. No 27. pp. 89–94. (In Russian).

6. Prilutskij, A. M. (2020). Koronavirusnaya infektsiya i religioznye diskursy meditsinskoj konspirologii [COVID-19 and religious discourses of the medical conspiracy theory]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies]. Vol. 33. pp. 108–114. (In Russian).

7. Prilutskij, A. M. (2021). "Vakcinirovanie" vs "chapirovanie": triggery eskhatologicheskoy mifologii v usloviyah protivoepidemicheskikh meropriyatij [Vaccination vs microchipping: triggers of eschatological mythology in the context of anti-epidemic measures]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki* [Northern (Arctic) Federal University Bulletin]. Vol. 21. No 3. pp. 108–118. (In Russian).

8. Khokhlov, A. A. (2020). Konspirologicheskie teorii kak fenomen mediavozdeystviya na obshchestvennoe soznanie [Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies Series]. No 2. pp. 94–102. (In Russian).

9. Shcherbinina, N. G. (1997). Arkhaika v Rossijskoj politicheskoy kul'ture [Archaic in russian political culture]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies]. No 5. pp. 127–139. (In Russian).

10. Yablokov, I. (2020). *Russkaya kul'tura zagovora: konspirologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve* [Russian conspiracy culture: conspiracy theories in the Post-Soviet space]. Moskva: Al'pina non-fikshn, 428 p. (In Russian).

Об авторе

Коркишко Илья Анатольевич, магистр педагогики, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7084-8136, e-mail: 2dragow2@gmail.com

About the author

Il'ya A. Korkishko, Master (Pedagogy), Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7084-8136, e-mail: 2dragow2@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.07.2022

Received: 15 July 2022

Принята к публикации: 22.08.2022

Accepted: 22 Aug. 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022